

Стрижиха, Стрижуля, Стриж

На снимке: Людмила Стрижова.

Так называли ее друзья. Внезапно и стремительно унеслась Стрижуля от нас ввысь, и до сих пор никак не привыкнем мы к тому, что на земле ее не стало. Эту пустоту от ухода Людмилы не заместить. Ее так было много, эти брызги чувств, детская несдержанность в радости и в печали, шепотное клокотанье негодований и восторгов, сочные анекдотические истории, которые мы могли переслушивать много раз. Она занимала все пространство вокруг себя. Занимала не актерским или человеческим эгоцентризмом, а чтобы нам жилось радостно, весело... полегче. В ее теплой душе всегда можно было найти приют. С тяжестью на сердце вспоминаю последние месяцы ее жизни. Непосредственное эмоциональное дитя, казалось бы, она должна

была бурно воспринять смертельный диагноз. А еще и врач, молодой, симпатичный, так правду-матку резанул, когда она робко спросила его об операции, что дыхание перехватывает: «Да какая вам операция, у вас уже метастазы кругом». В детском недоумении рассказала об этом и... затихла. Она тихо несла эту свою жуткую болезнь. Мы навещали Люду, мерили сахар в ее крови, утешали как ребенка: вот, мол, и показатели неплохие, сахар понижается, она согласно кивала, что, может, и поживет еще, подыгрывала нам, чтоб не переживали. Последние слова перед уходом — и те были не о себе, о муже: «Пусть Саша не плачет».

У меня остались радиоинтервью со Стрижовой, к счастью, я щедро записывала ее для радиопередач. Остались небольшие заметки, а самое главное — неутихающая сердечная память. Вот и хочется вспомнить о Людмиле Стрижовой, и как о человеке, и как об актрисе.

«Заревела навзрыд, когда дали роль Акулины Ивановны»

Перебираю стрижовские роли в иркутском ТЮЗе — и все старухи. Да что театр?! «Старушечьи» роли за ней ходили по пятам и в училище. Тогда играть старух ей было страшно обидно. Об этом она расскажет позже, уже со смехом, в одном из радиоинтервью:

Стрижова: «Когда я училась в училище, я, конечно, больше играла старух, и я до того расстраивалась, до слез. Заревела навзрыд, когда дали роль Акулины Ивановны в «Мещанах». Ну, что такое, опять старуха!? А потом мне педагог Виктор Борисович Мерецкий сказал: «Не плачь... Дура ты дура, твои роли все впереди, когда повзрослеешь. Ты будешь играть, когда тебе будет лет за сорок». Мерецкий оказался прав. Так в жизни Стрижовой и вышло. Но вот роли старух ей и в театре, как я уже сказала, не по возрасту рано доставались. Так, «странную» миссис Сэвидж ей выпало играть в 50 лет. «Мне режиссер все время говорит: «Людя, ты очень молодая, походку шаркающую оставь. А вот энергию, которая у тебя есть, ты будь любезна к этим ножкам приспособь, ты попробуй. Тебе ведь пока еще 50 лет. А она старше, Сэвидж, она глубокая старуха». И вот опять недавно играю спектакль и чувствую, что меня немножко толкает на молодую походку. Э-э-э, стоп, Стрижова!, — говорю себе!» С «молодой походкой» на сцене ей пришлось «бороться» всю свою актерскую жизнь.

«Всегда есть куда вернуться, если станет неспособу»

Эти строки любимого Василия Макаровича Шукшина Стрижова процитировала в одном из интервью. Чувство родной земли жило в ней глубоко, цепко. Помогало ей в неустроенные минуты жизни.

Стрижова: «Я родилась в Ново-Ленино. Это моя самая любимая родная точка на земле. С какой-то оказией или вообще что-то немножко трудно на душе, приезжаешь в Ново-Ленино — и такое ощущение, будто тебя кто-то пожалел, кто-то сказал тебе ласковые слова. Как мамка мне говорила: «Людка, одевайся теплее, на улице холодно. Одевайся теплее, на улице мороз». Она думала, что вот так она сбережет меня. Вот это ощущение родного — оно непередаваемо. И я хочу привести мысли В.М. Шукшина из книги «Нравственность есть правда». Они мне очень близки. Он пишет: «Родина, у меня есть чувство, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может, мне это нужно, — думаю я, — чтобы постоянно ощущать в себе житейский запас, всегда есть куда вернуться, если станет неспособу. Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступать некуда. Я думаю, русского человека во многом выручает сознание вот этого: есть куда отступить, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная

мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. И не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу». Вот это мне очень близко и знакомо. Вот просто лучше и не скажешь».

Родное Ново-Ленино прозвучало однажды из уст Стрижовой и с гордым вызовом высокому театральному жюри. Об этом рассказывала двоюродная Людина сестра Лида Нефедьева, человек с заразительным чувством юмора, свойственным всей стрижевской породе. Странно вспоминать, но в театральное Люда поступала четырежды.

Нефедьева: «Один раз она поехала поступать в Москву. И перед последним туром была генеральная репетиция. Достаточно серьезное жюри было, народные артисты и заслуженные артисты. Люда читала какое-то произведение. И вдруг подзывает ее одна артистка из жюри и говорит: «Ты зачем поступаешь сюда?» Она говорит: «Хочу быть артисткой». — «А кто на тебя придет смотреть?» Люда сначала смутилась, а потом говорит: «Пол-Ново-Ленино». Артистка спрашивает: «Это еще где?» — «А это в моем родном Иркутске». Вот так...»

Вместе с Лидой мы смеялись над этим дерзким стрижевским ответом в столице. Когда около сорока лет спустя, в 2006 году, ей дали звание народной артистки России, на бенефис в Иркутский ТЮЗ приехало не пол-Ново-Ленино, кажется, было все Ново-Ленино.

« Пой, Людочка, пой »

«Актерское» у Стрижовой затокало под сердцем с раннего детства. Для нее поступление в театральное училище было не случайным, не «за компанию», актриса — это была судьбоносная профессия, о чем она засвидетельствовала в одном из радиоинтервью.

Журналист: «Людмила Ивановна, давайте вспомним, если это возможно, когда вы почувствовали в себе талант, дар Божий?»

Стрижова: «Ну, такого не могу о себе сказать, что я почувствовала талант, дар Божий, а было огромное желание петь. У меня была сестра Вера. Вера умерла в шесть лет. Я о ней из рассказа мамы знаю. У нее такой был замечательный голос, она так пела хорошо. Даже братья говорили: «Ну, Людка, ты против нее...». Вера в шесть лет заболела дифтерией. И не спасли. Мама работала уборщицей в школе, отец на фронте. Есть нечего, голодали, недоедали. Мать перебивалась, как могла, то очистки соберет, то еще что. Вера в семье, хоть и младшенькая, была какой-то заводилой. И она успокаивала братьев: «Ну, ладно, Генка с Юркой, что вы? Мама сейчас придет и принесет нам что-нибудь поесть». И мама рассказывала мне: «Я отработала свою уборщицкую смену и вот иду в очередной раз домой и думаю: чем я буду ребятишек кормить? А они уже выглядывают меня в окошко — несусь там что-нибудь поесть или не несусь? Захожу, они стоят около печки рядышком все — и поют: «На позицию девушка провожала бойца. Темной ночью простились...». Я посмотрю на них: «Да нет у меня, ребятишки, ничего». А Верка: «Да, ничего, мама, ничего». И братьям: «Темной ночью простились на ступеньках крыльца». Поют у печки. Я уйду в комнату, в слезы. Что там говорить? Конечно,哭тилась, но было очень тяжело, очень».

После этого стрижевского рассказа понимаешь, что позже, на сцене, из зна-

На снимке: Людмила Стрижова в юности.

ющей души актрисы шли горестные слова распутинской старухи Анны, которая все не может забыть стыд перед дочерью Люсей, стыд за то, что чиркала молоко из Зорькиного вымени, когда корова была уже общая, колхозная: «Это еще в ту голодовку было... Все они ись просят, плачут, а их накормить-то разве маненько надо. Намучилась я с имя. Ой-е-ей...».

Выступления и благодарный зритель — все это началось у Стрижовой в раннем детстве. С песни и началось.

Стрижова: «Песни я пела любовные, у новогодней елочки. Девчонка маленькая стоит: «Ах, кавалеров мне вполне хватает...». Родные хохочут. Меня заставляют:

«Пой, Людочка, пой еще. Пой вот эту: «Бежит река, в тумане тает, бежит она, меня маня». «Давай живей, Людка, пой!» — «...но нет любви хорошей у меня». Я думала, что это взрослые на меня смотрят, смеются? Про любовь — о-о! Ну, тогда я, конечно, не понимала, что такое любовь. Но тянулась к этим песням. (Стрижова смеется.) Патриотические пела: «На границе часто снится дом родной». Мои братья любили те песни, которые исполняли Кибкало и Прошин. Одна вошла в песенную программу мою: «Вернулся я на родину. Шумят березки стройные. Я много лет без отпуска служил в чужом краю (Стрижова по ходу рассказа начинает, конечно же, напевать). И вот иду как в юности я улицей Заречною, и нашей тихой улицы совсем не узнаю». Эта песня настолько мне запала в душу, что я даже не мыслила программы без нее. Это любимая песня моего старшего брата. В семье еще было три парня. Я самая младшая. Они на моих глазах ухаживали за девчонками, рождались любовные отношения, женились, свадьбы играли. Переживали страшные потери. Мой брат трагедию просто пережил любовную. Когда звучала песня Кибкало: «И в час, когда над крутым утесом светят звезды... та-та-та-та..., я вспоминаю черные косы и неподвижный твой силуэт». Для меня было потрясение: брат мой плачет. А он хоккеистом был, ключица у него поломанная. Я говорю: «Юрка, ты что так плачешь? Больно тебе?» — «Да, Людка, больно. Подрастешь, узнаешь». Я поняла уже тогда, что это не физическая боль была, а боль другого порядка. Брату очень сочувствовала, когда он сильно был влюблен и переживал. Думаю: «О, как он переживает. Любовь это вот такое чувство. Неужели меня тоже коснется?» (Смеется).

Журналист: «Коснулось ведь?»

Стрижова: «Коснулось, коснулось... У меня очень хорошо пела мама. Пели замечательно тетки мои: тетя Маруся, тетя Шура. Они часто собирались и вместе пели. Тогда был популярен, я бы сказала, городской шлягер, он перемешивался с деревенским фольклором. Ну, вот такие песни: «Оля любила цветы... головку наклонит, милый, смотри, василек, мой поплывет». «На Муромской дорожке стояли три сосны» — мама очень любила эту песню. Да... потом: «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село». Мама пела и «Волга реченька широка, я прихожу к тебе с тоской. Мой сердечный друг далеко, и куды скрылся дорогой». У нее много было песен, сейчас все не вспомнишь. Я очень жалела, что

На снимке: Людмила Стрижова с актером Виталием Венгером.

тогда их не записывала. Ну, тогда мы все были какие-то бесшабашные. Но все равно я какие-то песни запомнила. И некоторые песни пронесла по жизни, и даже в спектаклях пела песни мамкины. В «Последнем сроке» ее песню пела. Про матроса. «Вы матросы-моряки, где же ваши шлюпки? Поцелуй меня, моряк, в аленькие губки». Прощальная такая песня была. Или вот: «Почему твое личико бледно?..» Танго, не танго? Или жестокий романс? «Почему ты задумчива так? Почему не блестит, как бывало, в твоих глазках веселый огонь?» Мы исполнили ее в спектакле «Бег».

Журналист: «Людмила Ивановна, я знаю всех ваших родных, всех трех ваших братьев. Они не пошли по стезе актерской, но Господь какой-то щедрой горстью бросил на вашу родовую артистический талант. Братья — интересные заводные рассказчики, рассказывают с жестами, с мимикой, все изобразят. По какой линии пошел этот дар актерский — по материнской или по отцовской? Откуда он в вашей родове?»

Стрижова: «Я думаю, и по материнской, и по отцовской. Папа был с большим юмором человек. Причем он был малоразговорчивый. Он мог очень точно характеристику человеку дать. Иногда прозвище точное припечатать. Он очень ритмичный был человек. Это по походке в тайге чувствовалось. А вот когда папа танцевал, приплясывал, он только вот так ножкой притопнет и ручку поднимет — и это было изумительно. Мама великолепно рассказывала, причем она сама по себе любила рассказ, она любила это, и удивительно рассказывала. И поэтому братья действительно артисты, особенно брат мой Боря, тот вообще был очень одаренный. Артистичная натура. Я очень жалела, что он не стал артистом, потому что он был бы великолепным комедийным актером. Да и Юра тоже с юмором, и Гена. Это все, наверное, от родителей».

«Она падает на колени и подъезжает к столу жюри»

Уже после Людиного ухода из жизни спрашиваю Лидию Викторовну Нефедьеву: виделся ли актерский Людин дар еще в детские, в подростковые годы?

Нефедьева: «Вы знаете, в нашем детстве после окончания учебного года были, так называемые, дни отработки. Мы должны были отработать на пришкольном участке. За каждым классом был закреплен участок в огороде школьном. И мы все летом приходили сюда с удовольствием. Прополоть там или полить что-то. Люда очень была талантлива всегда. И сообразительна. Она иногда принимала такие решения: надо начать репетировать. После окончания вот этого огородного сезона мы всегда выступали. У нас был баянист Владимир Емельянович Дерфлер. Он необыкновенно любил Люду, потому что она лучше всех пела и вообще выступала.

И она всегда к нему подойдет, бывало, мы все на грядках, она подойдет: «Когда будем репетировать?» И он, наверное, прекрасно понимал, что она уже устала работать. И мы все уходили репетировать...»

Журналист: «Отлынивали от грядок?»

Нефедьева: «Было и такое. Было. Надо признаться. И все знали, что Людмила у нас первый человек, артистка, к ней подходили и просили: «Возьми меня репетировать, возьми меня». И она уже выбирала».

Журналист: «Лидия Викторовна, вспомните, в детстве, в школе копировала ли она кого, изображала?»

Нефедьева: «Копировала. Она очень хорошо копировала нашу пионервожатую. У нас была пионервожатая, она же учитель биологии. В высшей степени интеллигентная женщина. У нее был такой неторопливый говорок, своеобразный. Людмила великолепно ее копировала. Потом она могла за дверью класса прокричать голосом директора. И нам уже было ясно, что все должны замолчать и ждать, что будет дальше. У нас в Ново-Ленино был клуб, у железнодорожного вокзала, при клубе площадки. А мы, дети железнодорожников, имели там полное право находиться. В разные игры играли, в том числе, и «в войнушку». Люда любила играть «в войнушку»... Людмила песнями военных времен могла поднять, что называется, взвод и идти брать какую-то высоту. За ней шли».

Журналист: «Но вот когда она стала поступать в театральное, не однажды же она поступала, вы верили, что поступит?»

Нефедьева: «Когда окончили школу, все пошли поступать в институты. Люда сразу всем наотрез, и родным, и знакомым: «Только в театральное». Поступала четыре года и очень надеялась. И мы в душе очень верили, что она будет артисткой, но вот все думали, почему ее не берут. И вот четвертый год, четвертый раз поступает. Прошла все туры, остался один тур — танец. И я с ней поехала на этот последний тур. А я сама когда-то танцевала, и говорю: «Вот так, Люда, вот этот лучше танец». Она говорит: «Нет, это последний год, когда я поступаю, или-или». И вышла она танцевать цыганочку, что было не в ее характере вообще-то. Но, видимо, до того настроена была поступить в этом году, что так эту цыганочку выдала! Самый финал... последнее па... она падает на колени и подъезжает к столу жюри. Жюри все падает от великолепия исполнения и от смеха».

« Ты про этого воробья сто раз нам рассказывал »

Часто по молодости Люда говорила, что надо взять ребенка в детском доме. Но так и не взяла. «Ребенок» у нее был. Это муж — Сашечка, режиссер Александр Валерианович Ищенко.

Когда на байкальской даче я утром однажды взялась сварить манную кашу, Люда проговорила: «Я сама, Танюшка, сварю. Сашечка любит пожиже...». А «Сашечка» из той же породы, что и она: режиссер от Бога, мудрый, проницательный, насквозь видящий природу человека, людские типажи, актерскую суть, но... но сущий ребенок, растерянный и доверчивый, в собственной жизни, в житейских делах своих. Горько и забавно вспоминать, но напоследок Стрижова все заботливо прикидывала, с кем Саше лучше остаться после ее ухода из жизни. Даже по телефону прежнюю жену, хорошую отзывчивую женщину, просила, чтобы она приехала к Сане.

На снимке: Людмила Стрижова с мужем, режиссером Александром Иценко.

За один верхоглядный поступок корю себя. Люду для радиопередач я записывала чаще, чем Валериановича. Речь ее колоритной была, сама манера рассказа сочная, говорит-говорит, потом вскочит с дивана и все в лицах тебе изобразит. Не однажды Саша «врезался» в наши беседы для радиопередач с одним и тем же рассказом, рассказом о том, как он в войну голодал. Саша начинает рассказывать, и я его обрываю: «Да, знаем, знаем про твоего воробья. Ты уже про этого воробья сто раз нам рассказывал». И продолжаю записывать интервью с Людой. Вот теперь спохватилась — оказывается, этого Сашиного рассказа в моих радиозаписях нет. А вспоминал он о том, как мама его, Евдокия Ивановна, во время войны с ружьем охраняла тары с хлебом под Симферополем. Евдокия и еще одна женщина. Хлеб выдавали по карточкам, тары пустели, и тогда Саша с соседкой, долговязой девчонкой, бросались к поддонам, сгребали оставшиеся крошки и жадно совали их в рот. А еще все вспоминал он, как эта худая долговязая подружка по его голодному детству поймала своими длинными худыми пальцами воробья, который залетел в дом. Воробья они заварили кипятком и съели. Вот не стало Сани через три года после Люды, переслушиваю с ним записанные интервью, и нет в моих записях его душераздирающего рассказа про воробья и про голодного пацаненка из военной поры. Как досаду и корю себя.

«Он артистов любит»

Валерианович — большая удача Стрижовой. Казалось, он был в ее жизни уже тогда, когда она его еще и не знала. Нынче мимоходом встретились с подругой Люды, талантливой тюзовской актрисой Ниной Ольковой. Пока шли один квартал по улице Ленина, чисто по-женски многое успели перебрать в разговоре. Вспомнили и о Стрижовой, конечно же. И наш женский разговор невольно вышел к истории знакомства Люды и Александра Валериановича. Нина Ивановна хорошо помнила то время. Как необычно, по-театральному, будто выстраивал какой-то драматург, эта семейная история началась. Только в театре пошли разговоры, что для постановки спектакля приехал новый режиссер, только актеры что-то прознавали о нем, переговаривались, одна из первых брошенных Стрижовой фраз звучала так: «Будет моим мужем». Откуда? Почему? Но Валерианович стал ее мужем — и на всю жизнь. В 1991–1992 годах я работала в ТЮЗе педагогом. Люда меня сюда зовала, этим помогла мне тогда найти работу. Хорошо помню: она все время искала Валериановича в театре. Дверь литчасти под лестницей в старом здании ТЮЗа всегда открыта. Заскочит Стрижова. Именно не зайдет, заскочит или заглянет. Неспешно у нее редко что получалось. А тут тем более. Скользнет взглядом по нашей комнатухе под лестницей, спросит, не видела ли я Сашу? — и бежит прочь, дальше, на поиски. Она все время его искала и догоняла. Казалось, ей без него

было трудно жить, дышать, существовать. Он тогда был силен и уверен в себе, теперь понимаю, что силу и уверенность придавала ему и вот эта преданная Людина любовь. Мне он виделся, правда, тогда седым, элегантным ... и старым. А было ему в ту пору чуть за пятьдесят. С Людой у них разница в десять лет. Он не особенно на людях баловал Люду своим вниманием. Искала его она. А как она высоко ценила режиссерский талант Ищенко! У меня сохранилось газетное интервью от 2000 года, где мы говорим со Стрижовой о ее бенефисном спектакле «Странная миссис Сэвидж» и, конечно же, о режиссере-постановщике этого спектакля.

Журналист: «Людмила, я знаю, что ты бесконечно можешь восхищаться своим мужем, режиссером Александром Валериановичем Ищенко. Этому свойству многим женам у тебя бы поучиться. Вы с ним живете уже девятнадцать лет, а от тебя все слышу: «Мой Саня с нами разбирает спектакль до мелочей, только слушай и делай», «Мой Саня — гениальный мужик!» Я и сама люблю смотреть и репетиции, и спектакли Александра Валериановича. Меня трогает, что он, пронизательный и умный на репетициях, до изумления доверчив в собственной жизни. Я люблю его спектакли за то, что все артисты в них играют. А еще в его спектаклях всегда есть «мелодия», настроение, как в хорошем рассказе. Но ты и при артистах не стесняешься его хвалить. Люди скажут: «Ну, нахваливает своего мужика». Верно же?»

Стрижова: «Пусть что угодно говорят. Валерианыч — редкий режиссер, который дарит артистам процесс работы над ролью. Да-рит. Это режиссер, который любит артистов. Я с ним работала в трех театрах, и знаю, как он относится к артистам. Мы же артисты — и странные и неуравновешенные, порой капризные, как дети. Но он артиста любит. И когда в зрительном зале народ то хохочет, то плачет, то затихает, а потом нам звонят и благодарят — это все Сашечкина заслуга. Почему я должна стесняться?! Я им восхищаюсь. Хотя, когда выходила за него замуж, меньше всего думала, что он режиссер. Когда он переступил порог моей комнаты в общежитии, я поняла, что назад он «этот порог» не перешагнет».

Это газетное интервью, напомним, из 2000 года. Страстное отстаивание ищенковской режиссуры вполне объяснимо. Какая вольница тогда шагнула на сцену! В этом же интервью мы говорили со Стрижовой о современных режиссерских, так сказать, трактоках.

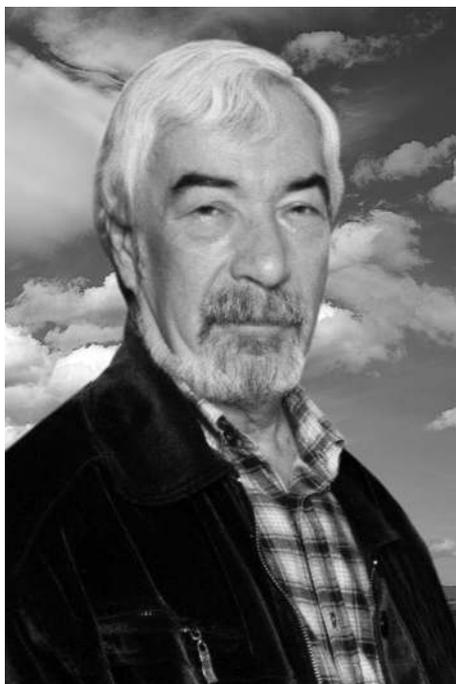
Журналист: «Тебе хорошо: у тебя есть муж — режиссер. Но артисты чаще всего люди подневольные. И чего только режиссер не предлагает им порой сыграть. Помнишь, не так давно по телевизору показывали фрагменты чеховской «Чайки»: Аркадина, прошу прощения, сидит верхом на Тригорине, распластавшемся на полу. Наши земляки рассказывали, как они поехали в Москву, купили билет за 120 рублей на эту «Чайку», и как покинули зал на середине спектакля, не выдержали режиссерской «трактовки». Контролерша театра им сказала: «Как я вас понимаю». Тебе приходилось с такой режиссурой сталкиваться?»

Стрижова: «Да, у меня была такая ситуация. Был у нас один режиссер, товарищ Н. Он решил ставить Мольера, и предлагает мне роль Тартюфа. Я, простая здоровая баба, рабоче-крестьянская женщина, я его спрашиваю: «Тартюфа?» — «Да». — «Но это же мужская роль?» — «Да». — «Можно грубо?» — спрашиваю я. — «Конечно». — «Простите, но там есть сцена с Эльмирой. Тартюф соблазняет жену Оргона. Чем я буду соблазнять? Артисту все надо конкретно знать — чем?» Он говорит: «Понимаете, это что-то типа — «оно». Я расхохоталась: «Понимаю. Значит, я попала в разряд сексуальных меньшинств?» Режиссер на это ничего не

мог мне ответить. Ни-че-го! И тут я отказываюсь: «Вы не знаете, про что ставите спектакль». Я когда Борису Николаевичу Преображенскому, тоже одному из любимых моих режиссеров, рассказала про это, а он ставил «Тартюфа» в нашем ТЮЗе, он расхохотался своим хрипловатым басом и сказал ту же фразу: «Так ты что, Стрижова, — из сексуальных меньшинств?» Может, кому-то дорог авангардизм, ведь это авангардизмом пахнет, но я вспоминаю, как однажды сказала Татьяна Доронина: «Хватит дурить народ авангардизмом». Мне кажется, русско-му человеку и русскому артисту в рамках авангардизма тесно. Ему нужна душа, характер, тепло».

Режиссеры - шестидесятники

Позже, когда уже были сыграны Стрижовой главные роли ее жизни, в одном из газетных интервью она скажет: «Во многом мне помог муж, а вернее режиссер Ищенко, он упрочил мою веру в себя». Вот! Вот именно необходимые слова: они укрепляли друг в друге «веру в себя». Как ни банальна мысль, но это главная скрепа в творческой семье. И еще в этом же стрижовском интервью: «Мой актерский путь — подарок судьбы. От доброй Кормилицы в «Ромео и Джульетте», простодушной Нади в «Любовь и голуби» и неудачливой Ани Хороших в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» до вселенски мудрой Дарьи в «Прощании с Матерой», сильной духом Анне в «Последнем сроке» — эти героини мне как родные, потому что отстаивают правду и справедливость». А еще они ей были «как родные», поскольку ставил и репетировал с ней родной и любимый «Сашечка». И только в спектакле «Последний срок» она работала с Сашиним другом, единомышленником и соратником, режиссером Виктором Трегубенко. Валерианыч, повторюсь, очень сдержанно хвалил Люду на людях. Но цену ей знал. И давал ведущие роли не как жене своей, а как талантливой актрисе. Когда Люды уже не стало, я брала у него интервью. Он вспоминал о Стрижовой хоть и в прошедшем времени, но по интонации слышно было, что сердцем Саша так и не понимал, что ее уже нет на белом свете.

Журналист: «Александр Валерианович, какой все-таки дар был больше отпущен Люде: комический или драматический? Спрашиваю, потому что в роли Дарьи она открылась как драматическая актриса, в «Изобретательной влюбленной» — комическая? А на ваш взгляд, какого склада она была артистка?»

Ищенко: «Человеку было дано и то, и другое. Кстати, она никогда не придавала значения похвалам. Конечно, было приятно: «О, как хорошо сделана роль!» — говорили критики, предположим, в Москве. Интервью у нее брали в Москве. Она ни-

На снимке: Режиссер А. Ищенко.

когда не придавала этому значения, она не знала, как в своей профессии сделать плохо. Органичность у нее была природная. Я бы хотел это подчеркнуть: несмотря на то, что она была прелестный человек — была у нее «животная органичность».

Журналист: «Кстати, этого добиваются все учителя, когда человек начинает учиться в театральном, ведь так?»

Ищенко: «Конечно. А у нее уже это все было. В Минске Люда сыграла совместный проект с белорусами. Это был ноябрь 2005 года. Театр белорусской драматургии. «Трибунал» Макаенка поставил Онисенко, белорусский режиссер. Я ж там тоже «Короля Лира» ставил. «Прошлым летом в Чулимске» я там ставил. Меня приглашали дважды туда... Группа там тюзовская была. Тупица Олег играл, Попкова Люда играла, Володя Безродных играл, они все уехали сразу, улетели самолетом. Стрижова тоже сыграла и уехала. И сижу я в зале на вручении наград. У Фрейндлих был юбилей. Она привезла свой спектакль и сыграла его. Пастухов, Янковский, Стрижова. У всех золото. Я опупел, потому что в такую компанию попасть — это серьезное признание. Люде дали на «Золотом витязе» Золотой диплом за роль в «Трибунале» Макаенка. Мне вручили стрижовский диплом. Я не скажу, что она обрадовалась, она просто удивилась. «Во, во! Компания-то какая, цени себя, девушка», — сказал я».

« Это ваша победа »

Так вот, поначалу моих друзей «повенчал», конечно же, театр. Потом, это уже в 2000-е, у Люды родилась мечта повенчаться с Сашей в церкви. Думаю, что она об этом не однажды с Ищенко заговаривала. А совершено было таинство венчания в 2003 году, в День Победы, отцом Каллиником в Михаило-Архангельском храме. Во время вечерни, до венчания, Ищенко очень волновался, выходил из храма на перекур, не знаю, правда, удавалось ли ему в ограде церкви перекурить. Он не особенно был приучен к богослужениям. Помню, как однажды Люда все-таки привела его на исповедь и причастие. Валерианыч, наверное, долго обдумывал, готовился. Шел к аналою на деревянных от волнения ногах. Потом нам рассказывал, что на исповеди сказал батюшке: «Каюсь, виновен во всех грехах, кроме убийства и гомосексуализма». Нас тогда это повеселило... И вот венчание. На головы Саши и Люды надели венцы. Со спины Люда смотрелась как царица, прямая, величавая. Валерианычу брачный венец оказался великоват, он боялся его уронить с головы при поклонах — и потому спина была напряжена, кланялся скованно. После венчания о. Каллиник сказал моим друзьям: «Не случайно венчание свершилось в День Победы. Это ваша победа». Возбуродраженные, возбужденные, возвращались домой и признавались друг другу, что из венчального таинства все мы четко уловили тогда одну фразу: «Но да убоится жена мужа своего».

« Не надо аплодисментов, здесь не театр »

Она его не боялась, она всю жизнь боялась за него. При его неурядицах Люда места себе не находила, металась и делалась сама не своя, его профессиональным успехам радовалась больше, чем своим. А сколько же она с ним пережила! Пом-

ню, как в 2000 году из-за всех нервных театральных событий вокруг Ищенко она забыла про свой день рождения. День рождения приходится у Людэ на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, на 14 октября. Я ей телефонным звонком напомнила: «Сегодня же Покров и твой день рождения». Она расплакалась: забыла. Но не удивительно, что забыла. Все совпало у них в тот год. Во-первых, переезд на новую квартиру. Их старьй дом, где теперь Торговая площадь Чекотова, сносили. По собственному, конечно же, Сашиному выбору, Ищенко переехали в дом на улице Желябова, рядом с гостиницей «Ангара». Но квартира еще не отапливалась, окна в доме были как пустые провалы. Прежние хозяева, выезжая, снимали рамы, забирали стекла, до бесстыдства домовитые, вытаскивали листовенничные плахи с пола. Мои приятели, сами готовые все и всем оставлять, были обезоружены такой хозяйственной хваткой. От холода спасались под одеялом. И только одна Евдокия Ивановна, Сашина мама, человек военной поры, отважно боролась с невзгодами: готовила обеды, мыла посуду, гуляла с собачкой Чоли, кормила кота Мурзика.

В этом же году бурлил и Иркутский ТЮЗ. Новый директор Н. вводил свои правила. У неугодного Ищенко нашел ахиллесову пятау для увольнения: «за пьянку». К чести Александра Валериановича, зелье он никогда не принимал во время работы над спектаклем. Репетиции от его «слабости» не страдали. Снимал напряжение, грусть-тоску только после премьеры. Ищенко на происки директора подал иск в суд о незаконном увольнении и восстановлении на работе.

И вот на Николин день двухтысячного года шло судебное заседание. Помню, какое душевное напряжение был этот суд для всех нас, для артистов, для друзей. До последней минуты не знали, чья возьмет. Но все-таки трудно представить, что творилось тогда в душе у Стрижовой. Она ведь знала, как это режиссеру искать новое место работы. Новый город, новый коллектив... Шел ей в ту пору 51 год. Да и у Саши позади была уже длинная и беспокойная судьба, исколесил вдоль и поперек Россию. Приговор был вынесен на другой день, к вечеру: Ищенко восстановили на работе в театре! Мы от радости и нервного напряжения захлопали. Судья опустила голову, чтобы скрыть улыбку, и проговорила: «Не надо аплодисментов, здесь не театр». Все рассмеялись. Шутка судьбы была очень остроумная. Дня три мы жили просто в эйфории от победы.

Это была далеко не первая история, когда судьба неласково обходилась с Валерианьчем. Ищенко не однажды, в лицах, рассказывал нам, как был исключен в 60-е годы из партии и из театра по статье «Недоверие». Читал неположенную литературу, которую, коли ты такой «любопытный», можно было читать только тайком, как часто потом шутили, «ночью под подушкой». Быть бы Ищенко «похитрее», может, и обошлось бы все. Но нет, это не в его натуре. От идеологического «недоверия» Сашу спас режиссер Борис Дубенский. История из 60-х осталась в памяти и в записи: в радиоинтервью с геологом Зинаидой Морозко из байкальского поселка Култук, хорошей знакомой Ищенко и Бориса Дубенского.

Морозко: «Однажды Александр Валерианович рассказал мне такую историю. В 1968 году, после окончания Харьковского театрального института, он стал работать на Сахалине. Дал кому-то почитать «Собачье сердце» Булгакова — и на него донесли. Вызвали в ЦК и сказали, что больше в идеологической сфере он работать не будет. Долго он мотался по стране, нигде его не брали — ни актером, ни режиссером. И кто-то ему подсказал: «Езжай в Томск, там есть Дубенский — человек, который сможет тебе помочь». Приехал. Борис выслушал его, встретился с Егором Лигачевым. Лигачев тогда был первым секретарем Томского обкома КПСС.

Саше сказал: «Завтра приходи в обком». Тот приходит, а Дубенский с Лигачевым играют в шахматы. Лигачев спрашивает: «Что? Этот читатель?» — «Этот». — «Ну ладно, иди, читай». И разрешил взять его в театр. Здесь Ищенко ставил спектакли под псевдонимом Шишкин. Это была девичья фамилия его матери, Евдокии Ивановны».

Потом Борис Дмитриевич Дубенский на долгие годы станет добрым товарищем Валерианыча уже в Иркутске. С какой любовью и почтением Саша всегда говорил о нем! Ведь в такой трудный час своей судьбы он его встретил. Во время летних отпусков в 90-е приезжал на дачу к Дубенскому в Култук, пока не купил здесь свой маленький домик. Вместе писали байкальские пейзажи, поскольку и тот и другой, кроме режиссерской профессии, хорошо владели кистью. Дубенский был профессиональный художник, Саша чувствовал и композицию, и цвет. Не случайно в свое время пошел в Биробиджанское художественное училище и окончил его. У меня на стене его култукский пейзажик, где он «отважился» писать деревянный домик под пригорком в окружении летней зелени. Попробуй разглядеть оттенки этой летней зелени! Ищенко их видел. Другой пейзаж «Пик лета» — и снова буйство зелени.

А какая была жажда учиться! Именно жажда. Тогда такие слова, как «амбициозный» и «успешный» звучали бы диковато. Но как тянулись к знаниям! Ищенко, как я уже сказала, окончил Биробиджанское художественное училище. Затем актерский факультет Днепропетровского театрального училища! Работал артистом в драмтеатре Кривого Лога. Окончил Харьковский театральный институт по профессии режиссер. Выпало большое режиссерское счастье: стажировался в Большом драматическом театре у самого Товстоногова. А спектакли ставил в Южно-Сахалинске, в Томске, в Новокузнецке, где работал в 80-е главным режиссером, в Калининграде, Советске, Семипалатинске, Алма-Ате, Благовещенске, Тынде, в Минске... И, конечно, в Иркутске.

« Пусть Саша не плачет »

Да, Ищенко бывал, как мы говорили, в «глубоком пике». Да, он «расслаблялся» в трудные дни жизни, «расслаблялся» после премьерного напряжения. В это время от Стрижовой неслись совершенно отчаянные телефонные звонки. И в такие дни в доме Ищенко обязательно звучал Вахтанг Кикабидзе, популярный в ту пору артист и певец. А еще — седой головой, усами и бородой Ищенко очень походил на Кикабидзе. Кикабидзе поет:

*В ночную форточку окна
Пускай летит колечко дыма,
Необходима тишина,
Мне тишина необходима.*

Валерианыч пускает колечки дыма в форточку и выразительно подпевает. Куда деваться, поем и мы вместе с Кикабидзе, поем громогласно, дружно, на весь дом, поем уже в пятый раз: «Мне тишина необходима». Люду уже «тошнит» от этой песни, но она шутит: «Вахтанг в нашем доме как родня». Звучит и другая песня Кикабидзе, «Письмо из экспедиции», о бездомном сыне, который далеко на севере, в экспедиции, где сыро и одиноко. И он просит: «Напиши мне письмишко, мама». Саша опять хватается пульта, ставит «Письмишко» с самого начала и

заливается горячими слезами: «Мама, я в разлуке с вами болен...». В это время маленькими шаркающими шажками выходит из своей комнаты его родная мама, Евдокия Ивановна. Ей бы отдохнуть. Но она уже давно и мудро поняла, что ее сын — режиссер. Саша влетает в ее комнату, выключает телевизор, чтобы никакие звуки не мешали песне.

*Сын у вас бродяга, невидимка,
но и вы — как прозрачная дымка.
Напишите, разгоните тучи,
нам обоим сразу будет лучше.*

Теперь вот запоздало сокрушаюсь: как не хватает Ищенко. И в десятый раз послушала бы этот душещипательный вопль об одиночестве, эту любимую песню Валерианыча, мудрого искусенного человека, беззащитного пацаненка из военной безотцовщины, из недоигранного детства.

И еще об этой замечательной паре одна забавная бытовая сценка. Помню, как-то одним новогодним утром пришла к ним в гости. Увидела моих друзей и рассмеялась, вот сроднились-то: Ищенко и Стрижова почти в одинаковых клетчатых байковых рубашонках, как близнецы, как сестра и брат... Удивительно ли, что последние Людины слова перед уходом были о муже: «Пусть Саша не плачет».

«Обезьянничанье»

Это слово о Стрижовой услышала от Ищенко. «Обезьянничанье у Стрижовой природное», — говорил он. Как режиссер этим качеством Стрижовой Саша восхищался. Вот одна незабываемая история. Утром в Рождество 2009 года после праздничного богослужения в окрыленном настроении пошли в гости к Стрижовой. Пригласила она нас с приятельницей, матушкой Ниной, на беляши. Ну, думаем, неужели? Стрижова? Беляши? Стряпня непростая? Беляши всегда пекла, пока была жива, уважаемая наша Евдокия Ивановна. До ее искусства Стрижовой, как и нам всем, было ох как далеко. Мы в большой комнате с Сашей толкуем о том о сем, она на кухне. Не утерпели, заглядываем на кухню и немеем от удивления. Стрижова с потрясающим искусством, какому поучиться кулинарам, отбивает о доску лепешку. Кусок теста летит в воздухе, точно и резко шлепается в одном месте, как у заправской стряпухи, она подхватывает уплотненный кусок теста и снова — об доску! Потом музыкальными пальцами, как по клавишам, быстро расправляет эту лепешку по краю и ложкой кладет на нее ароматный фарш, после этого скорыми наметанными движениями присобирает тесто вокруг мяса — и на сковороду. Беляши шипят в масле, она легко подхватывает их со сковороды — сочные, корочка золотая, мясо душистое — кладет на блюдо. Причмокнешь звучно, и пальцы в щепотке от губ отмахнешь: «Как смачно!» — известный жест, который Люда любила и неподражаемо пользовалась им. Наповал сразила она нас своими беляшами в тот праздник Рождества. Мы давай выспрашивать, как это она освоила такую трудную стряпню? Валерианович объяснил все просто: она «собезьянничала» наметанные движения Евдокии Ивановны. Стрижовская актерская память сохранила пластику в процессе приготовления блюда.

А вот еще. Посещение рынка было в семействе Ищенко ритуальное. Так и стоит перед глазами картина: Стрижова ходит по рынку не спеша, долго разглядывает витрины, этикетки, ценники, просит продукт на пробу, поджигает губы: нет, мол,

не вкусно, просит другой продукт, снова приценивается, торгуется, просит самое свежее... Такая вот обстоятельная покупательница... В конце концов покупает далеко не самый отменный товар.

Когда мы все вместе счастливо проводили в сентябре один из отпусков в Севастополе, в гостях у театрального художника Юрия Суракевича, то часто, конечно же, ходили и на рынок. Стрижова подходила ко всем ларькам и приценивалась ко всем продуктам, что вызывало мое возмущение: ну, что на рынке столько торчать, если рядом Черное море?! Когда же она стала останавливаться возле каждой деревянной лавки со свеклой, долго крутила в руках этот овощ, торговалась с теньками, я была просто обескуражена: ладно еще абрикосы, вишня, но свекла в Севастополе?! Теперь понимаю: ее просто захватывала шумная народная стихия многолюдного рынка, она входила в роль покупательницы, она проживала эту роль, «обезьянничала».

«Надо говорить о горе с сухими глазами»

«И где вы, артисты, жизнь наблюдаете: квартира — театр — Дом актера, актерский бар — снова квартира — театр — Дом актера — бар?..» Иногда, смеясь, такую задиристую фразу бросала я своим друзьям. Да не надо было Стрижовой никуда ехать и ходить, чтобы «изучать» жизнь, характеры, типажи. В этом смысле ее собственный дом был «полная чаша». Когда мы с Людой близко сошлись, жила она уже с Александром Валериановичем и двумя почти 80-летними бабушками — тетей Симой и Евдокией Ивановной. Надо было иметь Людину уживчивость, чтобы ладить в одном доме и с мамой, и со свекровью. Поначалу, правда, было не все просто. Прихожу однажды к Стрижовой в праздник Крещения Господня. Недалеко друг от друга жили тогда. Вижу, Люда между двумя бабушками, как между двумя капризными детьми. Одна пошла за святой водой в церковь. У порога Люда спросила: «Евдокия Ивановна, вы в церковь?» Евдокия Ивановна, как мне показалось, чем-то недовольная, буркнула в ответ: «Да, в церковь». Я стою и про себя возмущаюсь: чем ей невестка не угодила? Потом, когда поглубже войду в их жизнь, я сдружусь с Евдокией Ивановной, буду удивляться ее житейскому мужеству, поражусь, до чего она стойкая сильная женщина, как много она испытала на своем веку, люблю ее, и даже в последний путь придется мне ее обмывать. А пока: и чем, думаю, невестка нехороша?

Другая бабуля, тетя Сима, тоже, как мне кажется, ревностно выглядывает из своей комнатки. Ей тоже необходимо Людино внимание. Драмы в трех комнатах с тремя деревянными дверьми нешуточные. У одной — это у Серафимы Васильевны — в лице все добродушно округлое: глаза, нос картофелиной, полные круглые губы и какое-то выражение добросердечия и беспокойного материнства. Эмоции все на лице и на языке. У Люды многое от тети Симы. Другая бабушка — суровой породы. Волос пышный, короткий, завитой. Нос с горбинкой. Помню, как, отставив перед собой прямую правую ногу и руку положив на бедро, затягивается сигаретным дымом у открытой форточки. Не сразу поймешь, что у нее на уме. Никогда не закричит, не вспылит, не пожалуется.

Тетя Сима — артистка. Сидит на маленькой кухоньке, у стола, начинает вспоминать о тяжелом детстве, когда с подростков впрягали в работу, и сразу заворо-

жит своим говором. Однажды Люда мне опять же для радиопередачи рассказывала, как тетя Сима в детстве учила детей уму-разуму.

Стрижова: «Она нас скромно учила, но довольно вразумительно. Допустим, мы провинились. Мама ставила меня в угол, брата ставила в угол. Борю, брата моего. Но самое главное, она разыгрывала драму, будто она собиралась уходить из дома. Да разыгрывала так убедительно: «Все, дети, я ухожу, вы не слушаетесь меня, я ухожу в другой дом, буду жить с другими». Я плакала отчаянно: «Мама, не уходи!». Это, правда, продолжалось недолго, мама нас, конечно, щадила, и сразу же: «Вот смотрите, дети, будете плохо себя вести, я уйду». Это я очень хорошо запомнила».

Журналист: «Это сильнее всякого ремешка на вас действовало?»

Стрижова: «Абсолютно. Как это без мамы мы останемся? Куда она уйдет? Да, как это вообще без мамы? А она уже: «Никуда я от вас не уйду. Ведите себя хорошо». Вот это я почему-то запомнила. А потом у нас был с братом такой случай. У нас в Ново-Ленино есть сад Томсона. И вот мы там воровали огурцы. Я стояла на стреме, а брат мой воровал. Мешок огурцов принесли во двор, всех стали кормить. Все едят, довольные. Мать выходит во двор: «Что это вы тут делаете?» Мама увидела по нашим глазам, что-то не то. Чуть больше полмешка оставалось. Она тут же сказала все унести туда, где мы взяли. Пошли. И я, и Борька... Она с нами. Мы это все несли в слезах. Стыдно. Идем красные как раки. Пришли: «Извините, мы у вас украли». И все просили прощения. Мама отдала деньги за недостающие там огурчики. И вот я запомнила на всю жизнь, что брать чужое нельзя».

В 2000 году в газетной статье о Стрижовой я писала: «Вспоминаю: когда Люмила репетировала роль старухи Анны в «Последнем сроке», она как-то особенно близко прибилась к своей матери, Серафиме Васильевне...». Они всегда были тепло и душевно близки. Но тогда с ролью старухи Анны, да... так и было, она особенно жалась к тете Симе, не знаю, может, очень хотелось согреть ей «последние сроки» материнской жизни.

Сашина мама, сдержанная на эмоции и воспоминания Евдокия Ивановна, все-таки однажды тоже поведает нам о своем детстве. Что ее тогда растревожило и расположило к воспоминаниям, не помню. Какой-то был праздник, небольшое застолье, на столе — традиционные свекровкины аппетитные вареники с картошкой. Села Евдокия Ивановна, прикрыла глаза и вспоминала...

Семья у Евдокии большая была, и ее отдали в семью брата. Из далекого-далекого детства одну сцену ее память держала восемь десятков лет. «Вот жена брата постряпала пирог. Дети все ее сели за стол, и я села. Все тарелочки держали, и я держу. Жена положила всем пирог, а мне нет. Я убежала из-за стола, спряталась, плачу, плачу... Брат у жены спросил: «Почему ты ей не положила пирог?» — «Ой, я забыла». Он толкнул ее, да неловко. Она упала с крыльца. Потом рассказывала, что ребенка скинула». Евдокия с прикрытыми глазами вспоминала спокойно, отрешившись. Слишком далеко было уже ее детство. Люда потом, когда Евдокия уходила в свою комнату, прошептала как актерское откровение для себя: «Надо говорить о горе с сухими глазами. Мы, артисты, хлюпаем носом, а надо иногда говорить с сухими глазами». Рассказала Евдокия нам тогда и как «кулачили» ее семью. «Отца моего звали царь Николка. Он походил на царя. Четыре работника у него было. Валенки валяли. Пришли: «Где тут царь Николка живет? Валенки надо». И раскулачили. Забрали лошадь, корову и один дом, который дед для отца строил. Александр Валерианович родился в 1938, в 41-м отец ушел на войну.

Саша рассказывал, как перед уходом на фронт (мы удивлялись, что этот момент остался в памяти совсем маленького ребенка) отец взял сына на руки, подбросил его над головой, потом усадил на плечи, пошел по двору, да споткнулся неожиданно. Саша помнит, как полетел в клумбу... Только отец вернулся с войны, «пошутил» неудачно в сельсовете: перекрестился, как на икону, на портрет Сталина. Кто-то донес. Забрали, домой уже не вернулся. Евдокия осталась одна с сыном и всю длинную жизнь одна прожила. И уж точно: никогда Евдокия «носом не хлопала», мы не видели. Не хочется никаких прямых параллелей проводить между житейскими историями и Людиными ролями, но «наблюдать» жизнь ей было где. Казалось, и играть не надо — бери готовенькое...

Помню, сидим у Стрижовой. Январь, елка новогодняя уже осыпается. Дождинки на елке переливаются. К Люде приходит младший брат Боря. Между делом сообщает о соседке, тети Симиной хорошей знакомой, наверное, ровеснице, сообщает, что умерла. Трудно забыть, как, подавшись всем телом вперед и руки уткнув в колени, тетя Сима, вытянув вопрошающей трубочкой губы, все спрашивает: «Да неужто и Тараканиха умерла?» Сидит, молчит, думает и посреди нашего разговора снова спрашивает Борю: «Да неужели и Тараканиха умерла?» И снова затихает, сидя на кровати, что-то перебирает в голове своей. Потом, глянув на Борьку, заключает: «Теперь моя очередь помирать». «Не накликай», — дергается Боря. Года через четыре похоронили и тетю Симу. «Мамка перед смертью просила, — говорила Люда, — «на тарантайке по этой дороге свезете меня. По свету расходитесь с поминок». По свету и разошлись». Тяжело Люда перенесла материн уход. Почти всю жизнь рядом. А еще: «Никто теперь мне не скажет: «Людка, оденься теплее», «Людка, куда голоуша пошла, простынешь?»

Не могу не вспомнить и «последний срок» Евдокии Ивановны. Прожила она 92 года. И все около невестки и сына. Неожиданно слегла, когда Люда уехала на гастроли в Улан-Удэ. Вечером позвонил Ищенко. Голос нервно дрожит. Сказал, что ночью вызывал врача: матери совсем плохо. Я пришла. Говорит Евдокия с трудом. Слабость у нее, в сон тянет. Глаза закрываются, а руки все время что-то теребят-теребят. Говорит: «Домой пойдем, домой». — «Да вы же дома, Евдокия Ивановна». Думаю, видно, к Господу «просится домой». На руках и ногах не кожа, уже темная шкурочка висит, пальцы на ногах скрючились, как у птички, ноги холодные. Поменяли с Валерианычем ей белье, помыла ее. Она меня похвалила: «Молодец». Потом, помню, прошептала еле слышно: «На смерть мосте?» — «Да нет, нет, Евдокия Ивановна». Люда вернулась с гастролей и старательно ухаживала за слегшей свекровью около года, до последнего часа. Переворачивала, мыла, меняла постель и белье. Люда, добрая душа, все успокаивала свекровь: «Еще подниметесь, Евдокия Ивановна». А Евдокия: «Да я, Люда, и не хочу жить. Устала». Мы тогда удивлялись: как так? как можно устать от жизни? Теперь понимаю, еще бы не устала: прожить 92 года, и такая тяжкая жизнь, не жизнь, а ноша. Ушла Евдокия Ивановна сентябрьским вечером. Когда уносили ее из дома, шестидесятипятилетний Саша по-детски испуганно убежал на кухню. Не мог видеть, как ритуальщики выносят мать в узле в казенную машину.

К «последнему сроку» обеих своих бабушек Люда уже сыграла распутинский «Последний срок», роль старухи Анны. И откуда все знала про этот «срок»? А ведь знала. Уже после Людиного ухода из жизни я позвоню в Кемерово режиссеру-постановщику этого спектакля Виктору Трегубенко. Он вспомнит о стрижовской игре солнечно и восторженно.

Журналист: «Виктор Николаевич, припомните 1994 год, когда вы приехали в Иркутск и репетировали на сцене ТЮЗа «Последний срок». Старуху Анну играла Стрижова. Как репетировалось?»

Трегубенко: «Я другой должен был ставить спектакль-то. Что-то там не получилось с распределением ролей, и Людмила Ивановна предложила: «Не попробовать ли нам поставить «Последний срок?»»

Журналист: «Это от нее шло предложение?»

Трегубенко: «От нее, от нее. Работалось удивительно празднично и мучительно. Ну, договорились мы о ролях, о сценах, о решениях. Замысел и все прочее... Начались репетиции. И смотрю, Людмила Ивановна... как-то мне нечего ей сказать. Я всякий раз, не показывая этого, конечно же, никому, мучительно пытался найти какой-то повод, какое-то замечание сделать ей, какую-то корректуру внести, что-то подсказать. И так радовался, когда у меня что-то находилось. Поднимешься на сцену, что-то там шепнешь, смотришь, на сцене все, что нужно. И опять я, что называется, без работы. А я же режиссер. Мне же нужно как-то свои амбиции реализовывать. Я же должен замечания делать, подсказывать там что-то, а мне нечего подсказать. Вот это для меня было трудно».

Журналист: «На нее эта роль «легла» — да?»

Трегубенко: «Я ее не воспринимал как актрису. Роль — Стрижова — и образ. Все. Понятия актрисы там не было. Поэтому в работе с ней я, повторюсь, был почти безработным. И вообще эта актриса была и остается для меня от земли и от неба. Необыкновенная профессиональная и человеческая отзывчивость. Она вообще была мягкой, полетной и... и совсем решительной собранности. Была всегда деятельной и выразительной. И никогда не замечал я в ней какой-то тени уныния и подавленности. Одним словом, Стрижова!»

«Он хотел, чтобы у него была такая бабушка, как вы»

Тети Симины ворчания у порога: «Людка, не ходи голоуша, простынешь» — одна только эта материнская фраза, которую и я не однажды слышала в стрижовской квартире, могла дать тон роли. Я не видела, к сожалению, Стрижову в роли бабушки Натальи в спектакле по рассказу Валентина Распутина «Женский разговор». Она играла его во Франции, на французском языке. 2010 год был объявлен Годом России во Франции и Годом Франции в России. По этому случаю там выставляли свои работы молодые художники из Иркутска, выступал Театр народной драмы, во Франции же был показан и «Женский разговор» в постановке А.В. Ищенко. Помните рассказ: шестнадцатилетняя Вика приезжает к бабушке в деревню после тяжелой злой беды, после аборта. Между внучкой и бабушкой ночью происходит сокровенный разговор, где Наталья вспоминает свою молодость, молодость военных и послевоенных лет. Непростой разговор выходит. Трудно ищут две женщины из разных эпох общий язык. Стрижова уже сыграла к этому времени роль Настены в «Живи и помни», Анны в «Последнем сроке», Дарьи в «Прощании с Матерой». Трудность новой постановки была особого рода. За пять месяцев Люда должна была одолеть роль на французском языке. Она читала мне дома целые куски спектакля на французском, я изумлялась, как быстро она выучила чужой язык. Трудно, правда, представить, как этот прекрасный распутинский рассказ с сочным народным говором поддался переводу на французский.

Потом я взяла у Стрижовой интервью, спрашивала: поняли французы ее французский, услышали, о чем был непростой «женский разговор»?

Стрижова: «Мы провезли спектакль по трем небольшим французским городкам. Мне особенно запомнился первый спектакль, который мы играли в лицее, благотворительный. Там были ребята четырнадцати — шестнадцати лет».

Журналист: «Подростковый возраст?»

Стрижова: «Да, подростковый возраст. Это огромный лицей с уклоном русского языка. Ребята как наши: бегают, играют, шумят. Для нас сделали площадку хорошую, нам она очень понравилось: деревянный пол, даже поскрипывали половицы, когда мы ходили. Мы волновались. Это была премьера».

Журналист: «Волновались — поймут ли французы в а ш французский?»

Стрижова: «Да, поймут ли н а ш французский, потому что, когда я услышала, как разговаривают французы, сразу приуныла, как я далека от них».

Журналист: «И все-таки поняли?»

Стрижова: «Поняли! Поняли! Самое интересное, что школьники поняли, о чем мы играем. В конце спектакля была такая длинная пауза, а потом они стали хлопать. Когда начался разговор, они долго не уходили, они все спрашивали: сколько месяцев работали, сколько ставили спектакль, как давался французский язык?»

Журналист: «Но главное: поняли или нет французские лицеисты смысл распутинского «Женского разговора»?»

Стрижова: «Поняли. У нас шел с ними разговор о любви. Там же хорошая фраза есть у Распутина: «К нему прижаться потом надо, к родному-то мужику, к сужему-то... все честь по чести, по закону, по сговору, а не по обнюшке». То есть мы не животные. Мы должны с любовью, чтобы это был твой любимый мужчина, единственный, тебе посланный Богом, или ты ему, посланная Богом. Так лучше, так человечнее, так слаще. Они поняли, о чем разговор. После спектакля подошел ко мне мальчик, как-то так прикоснулся к щеке, поцеловал и что-то сказал. Я не поняла, что он сказал. Потом подходит их учительница и говорит: «Он вам сказал, что он хотел бы, чтобы у него была такая бабушка, как вы».

Журналист: «Аж мороз по коже от такого зрительского признания».

Стрижова: «Дело в том, что у них такого нет. Может, больше родители занимаются воспитанием, а не бабушки, я не знаю, во французских семьях не была, ничего не могу сказать, но, видно, нехватка какой-то теплоты есть. Хотя там очень любят детей. Но вот такого душевного подхода, такого душевного разговора... я думаю, у русского человека это крепче. Может, сострадания больше у нас. Но каждой нации хочется любви, доброты, нежности, тепла — люди все одинаковые. И когда она перевела, я говорю мальчику: «Ой, спасибо, огромное спасибо тебе». В общем, ребятам очень понравилось. Потом многие подходили и благодарили нас».

Я все пыталась Стрижову о ее вундеркиндском усвоении французского, но поняла, что язык она не освоила. Она только выучила роль на французском. Память у нее была очень хорошая. Но видите, как выучила и как сыграла... И этот вызубренный французский, наверное, сумела согреть материнской интонацией: «Людка, платок надень!.. Людка, не ходи голоуша, простынешь!»

«Земля у нас родкая»

А какая колоритная жизнь окружала Люду в Култуке летом! С избыой двух незабываемых бабушек оказался ищенковский дачный домик на одной улице Октябрьской: Антониной и Валентиной Колесниковыми. Мать и дочь. Обе бабушки

грузные, низкорослые, с тяжелыми ногами и с обаятельно, по-детски выпяченной нижней губой. Когда в августе, в жаркие дни мне удавалось вырваться в Култук на несколько дней, то со Стрижовой заходили к култукским бабушкам за куриными яйцами. В домашнем хозяйстве Колесниковых, кроме огорода, было 18 курочек и петух. Самый красивый, говорили, в Култук петух, и пестрые терракотовые курочки. Петух еще и страшно умный. Колесниковы рассказывали: где какая тревога, опасность для курочек, петух стучит клювом в низенькое окошко их старенького домика. Вечером тоже долбит клювом в стекло, когда подводит к воротам свою куриную ватагу. Мы эти повадки умного петуха с Людой знали, и всегда, проходя мимо, останавливались, смотрели, как он гордо водит кур на прогулке по летней траве. Люда приглядывалась, наверное, к петуху внимательнее, чем я, она же тюзовская актриса, играет в сказках птиц и, как говорила Люда, «зверушек». Заходили в избу купить яиц и забывали про покупку, когда начинала говорить старуха Антонида. Антониде было уже за 90 лет. Ей очень нравилось удивлять людей своим возрастом. Руки двигаются, ноги помаленьку, но ходят, голова ясная, речь твердая, сочная. «Она лучше меня выглядит», — говорила добродушная дочь. Голоса у обеих, и у матери, и у дочери, низкие, звучные, с твердым мужским «р»: «Земля у нас родкая», — рассказывает Антонида. Мы замираем в восторге от такого слова — «родкая». Тут и дочь замолкает.

На дорожке между цветочными клумбами бабуся еще больше изумляет нас своей речью: «А третьего года на такие уступки саранки мне пошли. Набычились сначала, а в день рождения все как одна расцвели. И что это мне природа на такие уступки пошла?» Антонида считала, что и жизнь ей «шла на уступки». Всю жизнь она отработала на железной дороге. Когда пригоняли вагоны, гальку, щебенку, глину, то давали два часа на то, чтобы разгрузить. Антонида и напарница вдвоем управлялись. Ко Дню железнодорожника Антониде принесли Благодарственную грамоту. Она растерялась, что ее помнят в конторе — и всплакнула. Потом повторяла этот рассказ не однажды, и всегда на том месте, где рассказ доходил до вручения грамоты, морщилась, боролась с собой — и все-таки не могла удержаться от слезы. Как немного надо простому русскому человеку. «У нас рода непорочная, — рассказывала Антонида с твердым «ч». — Нет воров. Никто не сидел». Когда Антониде исполнилось 93, она, как и Сашина мама Евдокия Ивановна, все время стала говорить: «Устала я жить: ни сил, ни дороги». — «А что, бабушка, неужели устали жить?» — все пытали мы ее. — «А как же ты, милая, думала?»

Такие вот колоритные култукские бабушки. А их красивый, амбициозный петух вполне мог «постучаться в окошко» тюзовской сцены...

«Где же ты, моя любовь?»

Помню ищенковский спектакль «До третьих петухов» с хождениями сказочного Ивана-дурака за справкой, уведомляющей, что «не дурак». Вослед за В.М. Шукшиным Ищенко с сарказмом и печалью посмеялся над всей «чертовщиной» нашей жизни, начиная со справочных волокит. Артисты в этом спектакле танцевали и напелись от души. Тюзовцы любили и умели петь. Хороший спектакль. На сцене все живет, дышит, бродит. А Стрижова? Обаятельная искрометная Баба-Яга. Эта роль — ее конек. Как новогодняя елка в ТЮЗе, Люда распускает длинные космы, вяжет платок узлом на лбу, надевает длинную, в пол юбку — и пошла к детворе, которая, кстати, не боялась почему-то стрижовскую Ежку. «Три-

ста лет мне в бок, не за горами старость, где же ты моя любовь, в каких краях осталась?» — сочно, гулко поет Стрижова в спектакле. Каждая клеточка тела живет музыкальным ритмом. Весь зал, кажется, готов заплясать вместе со стрижовской Ежкой цыганочку. Зажигательная Баба-Яга, предприимчивая, хитрованистая... и в то же время — Ищенко же не мог не углубить образ, а Стрижова охотно пошла за режиссером — в то же время эту усатую Ежку томит простое человеческое чувство — женская недолюбленность.

Людмила однажды пошутила: мол, играю Бабу-Ягу уже без грима...

Я нравлюсь вам?

А вот другая комическая роль Стрижовой, несколькими годами ранее сыгранная, — вдова Белиса из спектакля «Изобретательная влюбленная» Лопе де Вега. Белиса — суровая старушенция — становится по-девичьи доверчива и обаятельна, простодушна и комична, поверив, что в нее влюблен молодой Люсиндо. Это март 1991 года. Люде еще нет 42 лет. В роли Эрнандо, слуги Люсиндо, Николай Кабаков. Сцену между двумя талантливыми артистами с природным комическим даром трудно забыть. Вдовица Белиса безоглядно и патетически объясняется в любви к Люсиндо: «Когда нежданно я узнала, что я внушаю вам любовь». То, как стрижовская Белиса произносит слово «любовь» старушечьим низким голосом, застревающая на букве «л», надо слышать. «Я родилась как будто вновь, я словно бы моложе стала. Я нравлюсь вам?» Ах, какой момент в жизни старой и суровой Белисы! Какой миг! «Вас привлекает мой вид? И это не мечта?» Тогда, на спектакле, мы хорошо и весело смеялись над заблуждениями этой уморительной Белисы, жеманной, кокетливой, грубовато некрасивой и простодушно поверившей в неотразимость своих женских чар... Ради нашего «веселого настроения» Валерианович и поставил «Изобретательную влюбленную» в то время.

Начало 90-х — тяжелые для страны годы. На сценах идут жесткие социальные драмы. А Ищенко поставил о любви. Он, как всегда, жил и работал «вопреки». Я записывала тогда с ним интервью для «Восточки». Начиналась статейка так: «Я иду к режиссеру за интервью. Но обычный в таких случаях вопрос: «Почему поставили именно эту пьесу и именно сейчас?» — мне кажется утилитарно-серым и скучным перед той стихией любви, которой дышат герои «Изобретательной влюбленной». Это столь же нелепо кажется мне, как спросить, почему сейчас, в середине марта, поползли снега и заискрились талые воды — ведь так всегда было в природе».

И вот ответ Ищенко на мой вопрос: «Театр призван приносить удовольствие и наслаждение людям, но при этом совершать благородное дело наставления в истине. Так считал Лопе де Вега. Его мысли не устарели и по сей день... Думаю, если и осталось сейчас в людях что-то экологически чистое, так это природное, естественное желание, чтобы в тебя влюбились, или ты полюбил». И дальше в том газетном интервью я спрошу постановщика «Изобретательной влюбленной»: «А не трудно ли было актерам «зажить» такими прелестными проблемами героев Лопе де Вега, да еще в комедийной интерпретации, когда сегодня повсюду идут драмы жесткие, с надрывом?» — «Актеры, как и зрители, устали от житейских проблем, от жестокости нравов. И еще я сказал актерам: «Если вы не полюбите своих наивных героев, на сцене ничего не произойдет. Наивность — не глупость. В ней — прелесть, аромат, вкус жизни, самой природой заложенные сердечные

желания. Допускаю даже, чтобы взаимоотношения актера и героя строились на таком завистливо-щемящем чувстве: мне бы твои заботы». Ищенковский спектакль, повторюсь, дарил зрителю радость посреди трудной жизни начала 90-х.

«Быть женой режиссера — особое послушание»

Начало двухтысячных — активный актерский период в жизни Стрижовой. Где-то в эту пору снится мне сон, будто дали мне играть роль мудрого китайца с косичкой. Я должна сидеть в позе лотоса и отвечать на реплики Стрижовой. Но слов китайца я, конечно же, запомнить не могу, и просыпаюсь от страха перед кулисами. Страх забыть слова роли — примерно такие сны снятся многим. Ну, казалось бы, у меня понятно откуда: Людины и Сашины рассказы про репетиции. Увы, нет! Этот процесс я почти не знаю, я не много слышала откровений моих друзей о работе над постановкой. Если в обычные дни, во времена репетиционного затишья, неумные телефонные звонки от Стрижовой уже с утра штурмовали мою квартиру, такой у нее был темперамент бурный, ничего не могла держать внутри, всем хотелось поделиться, высказаться, то с приходом репетиционных сроков — все! Наступало затишье! Она просто пропадала из поля зрения. Телефон молчал. Тут и я стеснялась ее тревожить звонками. Позвоню лишь иногда: «Ты что-то пропала с экранов радара?» Почти никогда не слышала исповедей о сомнениях в роли, о работе над ролью. Наверное, у многих артистов этот процесс потаенный. Остается в стенах театра. Было и другое: большая часть стрижовских ролей на иркутской сцене, как я уже говорила, готовилась под Сашиним управлением, а Сашиних правщиков Люда не принимала. Таких в природе не могло и существовать. Разве можно сомневаться в верности Сашиних режиссерских решений? Нет-нет...

Все-таки вспоминаю «репетиционные моменты», свидетелем которых мне быть доводилось. Мы с Сашей в комнате, телевизор, разговоры, Люда готовит чай на кухне, и мы начинаем вдруг слышать, как она что-то говорит сама себе, потом сама себе отвечает, слов не разобрать, но по интонации догадываемся: разговор непростой, жесткий... Вот такие «репетиционные» моменты Стрижовой невольно подслушивались мною. Валериановичу они были, конечно же, давно и хорошо знакомы. И вот еще. Я уже говорила, что она как-то рассказывала в интервью про распутинскую старуху Дарью. Про свою роль в спектакле «Прощание с Матерой». Но в том-то и дело — ни слова о «роли», никакого «порога перевоплощения». Рассказывает о событиях спектакля не от лица актрисы Стрижовой, а от лица старухи Дарьи. Не со стороны наблюдает ее переживания, ее говор, а словно бы рассказывает события из своей жизни: «Я ему говорю, Павлу: «Могилки, значитца, так и оставим? Могилки наши, изродные?»...

О репетициях под Сашиним управлением я тоже спросила в недавнем эфире у моих гостей — актрис Наташи Маламуд и Алены Партысь.

Маламуд: «Я очень хорошо помню репетиции спектакля «Прощание с Матерой». Как-то Александр Валерианович просто остановил репетицию и начал говорить Людмиле Ивановне замечания, как и что делать. И помню, она его покорно слушала и выполняла все, что он говорил, абсолютно все задачи. В театре и на сцене она не была его женой, она была его актрисой. На репетициях она покорная и послушная. И в то же время тонкая и мудрая. Вот это все в ней».

Журналист: «Но это все-таки с Александром Валериановичем такая тонкость и покорность, или со всеми режиссерами были у Стрижовой?»

Маламуд: «Со всеми, мне кажется».

Партысь: «Я играла с Людмилой Ивановной и в спектаклях Александра Валериановича, и в постановках других режиссеров. Она репетировала очень профессионально, она слушала режиссера безоговорочно. Она выполняла все задания, которые давал режиссер. Но когда она репетировала с Александром Валериановичем, у нее был дополнительный трепет и нежность. То есть она переживала и за себя, и «за того парня»... И не дай Бог, чтобы кто-то из актерской братии (актерская братия сложная), кто-то что-то сказал, кто-то чем-то недоволен, она переживала еще больше. Тогда, когда молодые артисты, в том числе и я, начинали, мы же все были очень амбициозные: «Нам это не нравится, это не нравится», — она всегда говорила: «Алена, Алена, лучше послушай режиссера да сделай, как он говорит! Сделай!» Еще хочу сказать, она всегда была на сцене примером, она всегда была готова к репетиции. По части профессионализма это был большой человек. К сожалению, сейчас в театре таких людей крайне мало. И молодежь воспитывать уже некому».

Журналист: «Она не давала все-таки Валериановича критиковать?»

Партысь: «А попробуй только!» (Смех).

Маламуд: «И тем не менее она все равно в театре на репетициях, снова повторю, я это помню, она прежде всего была актрисой, а женой — уже за пределами театра».

Партысь: «Это и говорит о большом профессионализме, о большой выдержке, сдержанности и терпении, потому что быть женой режиссера в театре это отдельное послушание. Она трудилась бесконечно. Помимо театра она преподавала в Театральном училище. Она была и общественным человеком. Она и над ролью трудилась постоянно. Ну, это какой-то непрерывный процесс.

И актерской песней она занималась. Она выбирает момент, когда в театре никого нет. Володя Тюменцев ей помогает, звукорежиссер. Она поет. По всему театру раздается ее голос, ее песни».

Маламуд: «Ее уже невозможно было не слушать».

Партысь: «Мы все шли и слушали. Мы пели вместе с ней. Она любила, когда вместе с ней поют. А по части драматических ролей я хотела бы сказать, что Людмила Ивановна обладала такой потрясающей энергией, харизмой. При ее простоте, искренности, убедительности, она была и глубоким человеком. Ей не надо было что-то особо придумывать, когда она играла какие-то драматические роли в спектакле. Например, в «Прощании с Матерой», в «Последнем сроке». От ее игры зритель получал тот самый катарсис и то самое потрясение, ради чего и поставлен спектакль».

Маламуд: «Вот в простоте и есть эта сложность, глубина. Мы же всегда идем на сцене от партнера. За себя скажу: волноваться — это вообще не с ней. Когда я вела с ней сцену, я таяла в ней. Она мне столько давала. И мне было с ней так легко, просто очень. И даже комические роли, они были с таким глубоким драматизмом».

Партысь: «Людмила Ивановна из таких людей: держись за нее и не пропадешь. Вот если со Стрижовой, то все будет нормально. Расскажу историю про «Маленького принца» Экзюпери. Евгений Кравкль написал потрясающую музыку к этому спектаклю. Я играла там Маленького принца. И вот объявили, что мы

будем слушать песни Кравкля для этого спектакля. И приходит Людмила Ивановна. Она в этом спектакле не занята. Ну, пришла да и пришла. Песни там были изумительные. Каждая песня — это отдельный спектакль. Людмиле Ивановне они тоже понравились. И тут вот к вопросу о жене режиссера. На следующий день мы узнали, что мы никто в этом спектакле петь не будем, потому что будет петь в этом спектакле Людмила Ивановна Стрижова. Вот что значит быть женой режиссера (Смеемся). И она была введена в этот спектакль как душа спектакля. И она исполняла эти песни. Она была на сцене всегда. И когда ты идешь от сцены к сцене, тебе нужно развивать роль и не всегда хватает каких-то эмоций, стоит посмотреть на Стрижову, она тебе все даст».

Маламуд: «Потом, после ее ухода, один год Конкурс актерской песни носил ее имя... Знаете, у меня с ней была такая история: мы с Людмилой Ивановной как-то разоткровенничались, и я ей говорю: «Людмила Ивановна, а можно я спою песню, которую вы поете?» Речь, кстати, шла не об одной песне. И она так по-дружески мне сказала: «Да пой».

Журналист: «Не пожалела «свои» песни?»

Маламуд: «Нет. У меня было даже ощущение, что она меня благословила. И тот, кто с ней разговаривал, о жизни, о песне, там, где она давала свое согласие, мне казалось, это было неким благословением».

Партысь: «И вот Людмила Ивановна ушла из жизни, и из театра ушла песня. Из театра ушла душа, и действительно без нее земля опустела...».

Меня всегда покорял в Стрижовой абсолютный слух. Схватывала мелодию на лету и пропевала ее в самых сложных местах с виртуозной точностью. А музыку любила во всех ее проявлениях. Лишь было бы это настоящим, талантливым, одухотворенным. И вот отрывок еще из одного моего интервью со Стрижовой, записанного в 2003 году.

Журналист: «Людмила Ивановна, в эти новогодние дни, в Рождественские Святки были у вас какие-то музыкальные сильные впечатления?»

Стрижова: «Я в последнее время стала очень любить оперу. И меня совершенно потрясла Нетребко, Анна Нетребко. Потрясена ее голосом, ее талантом, ее актерской игрой. Она очень хорошо движется на сцене, движется великолепно, прекрасно чувствует пространство, ощущает его. И все это в приложении к ее голосу. И как женщина она красавица. Это все естественное дополнение. Она просто изумительная певица. Мне еще очень понравился концерт Евгения Дятлова по телевизору, концерт актера, который был знаком по сериалам. Но это просто здорово, просто замечательно. Сильный голос. А песни у него как мини-спектакли, какая-то судьба в каждой песне своя. Причем многие исполнители этих песен знакомы нам, но он по-своему так поет, что я была просто поражена. Например, «Как за меня матушка все молила Бога, все поклоны била, целовала крест...». Я так позавидовала, но по-актерски, хорошо позавидовала. Эх, зараза, захотелось тоже что-нибудь сделать...».

Включаю теперь эту песню в исполнении Дятлова. Понимаю, что Люда сразу тогда все услышала: и о забубенной судьбе сыночка, за которого матушка «все молила Бога», услышала, как душа этого неприкаянного мужичка мечется между земным, где все «засада» да «западня», и небесным, где «журавль по небу летит», увидела судьбу человека.

« Будем спасать Матёру »

На снимке: Людмила Стрижова в роли старухи Дарьи в спектакле по повести В. Распутина «Прощание с Матёрой».

дой артист Михаил Цыбань. Хорош, трогателен был и Коляня, внучонок Симы, в исполнении второклассника Саши Косованова. Никто никому из артистов не уступал и в то же время «не тянул на себя одеяло».

Режиссер-постановщик, слагая инсценировку, каждому дал возможность сыграть характер. Стройным ансамблем сыграли. Но... но рождался спектакль, разумеется, непросто. В интервью журналисту Светлане Мазуровой Ищенко рассказывал, что еще два года назад пытался подступиться к «Матёре». Вот именно «подступиться», как к крепости. Просто невысказано, кажется, на сцену перенести эту эпическую повесть, где каждое слово выношено и поставлено на место. Как взять эту «крепость»? Надо было крепко вооружиться. «Перечитал все имеющиеся инсценировки, они меня не устроили, сделал свой сценический вариант, который прочитал Валентин Григорьевич. Он признал, что этот вариант добротный, что-то в нем поправил, написал пару новых монологов и благословил на постановку», — скажет в мазуровском интервью Ищенко. В том же роде будет и признание Стрижовой: «Роль Дарьи — это такое человеческое и творческое испытание». Еще бы! Помните Дарьины слова, которые она говорит внуку Андрею: «Ты со мной, Андрюша, не спорь, не спорь. Я мало видела, да много жила. На че мне довелось смотреть, я до-о-олго на его смотрела, а не походя, как ты». Как вот это сыграть: «На че мне довелось смотреть, я до-о-олго на его смотрела»? Стрижовой снова поможет родное Ново-Ленино. Представит: а ее бы родную землю затопили? Больно... И вся эта боль наполнит душу Дарьи в прощании с Матёрой.

Сдавал «Матёру» Ищенко в середине июля. Он, как принято на сдаче, сидел с

Уже девять лет шел на сцене Иркутского ТЮЗа распутинский «Последний срок» со Стрижовой в роли старухи Анны, когда Ищенко, а это был 2003 год, ставит «Прощание с Матёрой». В роли старухи Дарьи — также Стрижова. По словам Ищенко, он еще в Семипалатинском театре хотел обратиться к «Прощанию», но не было талантливого мальчика для роли Коляни, и актрисы труппы были еще молоды. Молоды к началу двухтысячных для распутинских старух были и актрисы иркутского ТЮЗа. Но для того, чтобы сыграть эти роли, иркутские актрисы созрели. Вот только «ножки» приспособить к возрасту им в этом спектакле, пожалуй, было непросто. В возрастные роли тогда талантливо, органично вошли и Нина Олькова, и Людмила Попкова, и Любовь Почаева, и Валерий Елисеев и Галина Проценко. Зрело, мастеровито, правдиво играли все артисты: Владимир Безродных, Олег Тупица, Николай Кабаков, Владимир Привалов, Михаил Ройзен. Убедительно сыграл роль Андрея, внука Дарьи, молодой артист Михаил Цыбань. Хорош, трогателен был и Коляня, внучонок Симы, в исполнении второклассника Саши Косованова. Никто никому из артистов не уступал и в то же время «не тянул на себя одеяло».

микрофоном за режиссерским столиком. Рядом, по левую руку — Валентин Григорьевич Распутин, Владимир Скиф, несколько журналистов. На последнем ряду художник-оформитель спектакля Юрий Суракевич. Суракевич нашел выразительный образ для эпического повествования.

Нет нужды говорить, как я переживала за друзей. Переживала за Люду, которой достались длинные монологи. Мало сыграть, надо еще и отчетливо донести до современного зрителя каждое распутинское народное слово. Не заметила, как мои переживания перекинулись к сценическому действию. От сцены, где Матёра все-таки «соединила» Дарью, сына Павла, внука Андрея хоть на время, от сцены прощания Анастасии и Егора с Матёрой, от этих сильных сцен мои глаза набухали слезами. После первого действия все разошлись из зрительного зала. А у меня, конечно же, была журналистская задача записать хотя бы пару распутинских слов о новом спектакле. Распутин оглянулся, наверное, хотел тут же поделиться впечатлениями, увидел лишь меня — и подошел. Я поднялась навстречу. Увидел сразу мои покрасневшие влажные глаза, это, возможно, расположило его к разговору. «Вам не кажется, что вот этот монолог о Петрухе Звонникове надо убрать?» — спросил он. «Я уж наплакалась в первом действии... Не знаю, может, и стоит. Мне как-то не показалось». — «А потом, что-то кричат много. Может, где-то лучше шепотом сказать, сильнее будет действовать», — продолжал свои непосредственные чувства высказывать Валентин Григорьевич. А я опять в защиту: «Мне вот эта сцена прощания с Анастасией понравилась. И то, что упала она на колени, сильно действует». — «То, что упала, это хорошо. И то, что Егор споткнулся — хорошо. Но о сокровенном, может, не так надо кричать?» Я пожала плечами, помолчала и проговорила: «Все-таки эпическую вещь вы написали. Каждое слово на сегодняшний день падает. А Людин монолог «о совести» наполнится со временем. Сегодня же только сдача». — «За Люду я меньше всего переживаю», — сказал Распутин. «Егор хорош», — продолжала я. «Да, Елисеев — хороший артист», — ответил Валентин Григорьевич. И тут я, почувствовав сокровенность момента, проговорила: «Вы мне потом пару слов на магнитофон скажете?» — «Таня, с вами опасно становится сидеть», — засмеялся Валентин Григорьевич и пошел на свой ряд.

После сдачи спектакля Валентин Григорьевич выйдет к сцене и скажет, что материал воспринимается современно, хотя написан лет 25–30 назад. Ну, а после этого с актерами у него будет уже отдельный и более длинный разговор. Месяца через два Светлана Мазурова запишет интервью с авторами и исполнителями. Прочитую распутинские слова: «Мне нравится спектакль. И нравится инсценировка. Ищенко на удивление бережно отнесся к моему тексту, все самое главное он взял. Это повесть, перенесенная на сцену с наибольшей точностью и с наименьшими потерями. Режиссер не испугался большого текста, длинных монологов, которые взяла на себя актриса Стрижова. Никто бы не смог лучше нее вытянуть их, она же смогла, мне кажется, донести смысл через эти монологи наилучшим образом. Я замечал, что наибольшее волнение охватывало меня, когда читались они. У меня, конечно, особое, авторское отношение. Но ведь актерам надо было это волнение донести, этот трагизм передать».

Стрижовой потом довелось, или пришлось — не знаю, какое слово употребить — играть при авторе «Матёру» четыре раза! Испытание невероятное. Стрижова об этом говорила. На Международном театральном форуме «Золотой витязь» в Москве за постановку «Прощания с Матёрой» тюзовцы получили Серебряный диплом. В одном из интервью я расспрашивала у Стрижовой и о «Матёре».

Журналист: «Людмила Ивановна, согласитесь, что «Прощание с Матёрой» писалось для другой России, доперестроечной. А вам теперь приходится играть на Россию молодую. И все-таки есть в этом спектакле сцены, вы же всегда, артисты, чувствуете кожей, когда зал затихает, замолкает, в зале напряженное внимание, есть такие сцены? И «затихает» ли молодой зритель?»

Стрижова: «Когда объявлено было, что скоро будут затоплять земли, нам-то старухам все еще не верилось, что все это произойдет на самом деле, все казалось, это не с нами будет, это будет потом. И когда Богодул приходит и говорит: «Могилы зорят, кладбище рушат», — это уже явственно всех ударило в сердце и душу. Я, Дарья, спрашиваю: «Где? Говори толком, не рви ты душу, не тяни». — «Да, черти». И вот мы, все старухи бежим на это кладбище. И я там бросаюсь первая. Когда пожогщик несет памятник, я палкой его бью. У него выпадает этот памятник: «Марш отсюда, марш, нечистая сила». Все встали за эти могилочки родные, где лежат отец и мать Дарьи, мать Веры, то есть все те, кто в Матёре жил, работал. И вот это кладбище, для нас оно святыня, это же предки наши. И когда мы видим, что это рушится, все поднимаются. Я очень люблю эту сцену, когда они крестом с могилы прижимают этого пожогщика, они его прямо на землю валят. Хорошая сцена. Я ее очень люблю, по накалу люблю».

Журналист: «И зритель внимательно смотрит: и молодой, и зрелый?»

Стрижова: «Внимательно, внимательно. И молодой, и зрелый. Я очень люблю эту фразу, когда меня спрашивает сын мой, Безродных Володя, хороший актер, я его спрашиваю: «А могилки, значаца, так и оставим?» То есть он уже уезжает, уходит. Говорит: «Мать, давай, я за тобой...». Я говорю: «Нет, покуль тут буду, до самого последнего». А как я их-то оставлю, старух-то? Я-то более обеспеченная из всех старух. А они-то нет. Сима вообще одна с малышом в этой деревне чужая. Катерина осталась одна, у нее сынок в пожогщики ушел. Я смотрю на него и говорю: «А могилки наши, значаца, так и оставим? Могилки наши изродные под воду?» Он говорит: «Ну, мать, ты же знаешь, ну, некогда было, ну, не мы одне...». И я ему фразу говорю, которую я очень люблю: «Ежели мы с тобой кинули, и нас с тобой кинуть не задумаются. Нелюди мы, ух, нелюди».

Журналист: «Людмила Ивановна, но часто к вам приходили после спектакля в гримерную, вот сюда, где мы сейчас с вами сидим, часто приходили люди с благодарностью, потому что бывает такой сердечный порыв после спектакля артисту сказать слова добрые?»

Стрижова: «Приходили, бывало. Я помню одну женщину, она смотрела спектакль. После спектакля меня вызвали: «Людмила Ивановна, вас там ждут». Я вышла, и стоит женщина. И она так стала меня обнимать, и целовать, и благодарить. И самое-то главное, она плакала. А один мальчишка — моя знакомая рассказывала — ему семь лет, она привела его на спектакль. И семилетний мальчишка смотрел этот спектакль. И он пришел домой, стал строить балки, стулья ставить, собрал их — я вам вот сейчас рассказываю, а у меня чуть не слезы — собрал их всех и говорит: «Садитесь, будем спасать Матёру, чтобы ее никто не затопил. Баба, ты сядь здесь, деда, ты сядь здесь. Я вот этот стул поставлю вот здесь, вы уж тут держите, чтоб никто ее не затопил». Мальчишка! Семь лет! Меня это так поразило. Я говорю: «Надо же, Господи, казалось бы, ну что семилетний ребенок, а нет, понимает, генны-то все равно заложены, куда деть-то?»

« Меня просто поразило, насколько артисты правдивы »

В Иркутске, как известно, все театры и музеи рядышком, перейди дорогу — и ты на спектакле другого театра. Много ли из творческих людей было таких, кто «переходил дорогу» — не знаю, не берусь сказать. Стрижова и Ищенко любили чужие спектакли, ходили на выставки в музеи, радовались чужому успеху и таланту. Вот один из незабываемых «походов». Чудным осенним днем пришли на концерт «Звезды на Байкале». Довольнехонькие: у нас есть билеты. Но вот печаль — за стеклянной дверью Музыкального расстроены лица людей, которые очень хотели, но не смогли попасть на концерт. И тут появляется Владимир Шагин. Поздоровались с ним, кивнули на толпу за стеклом и сказали: «Жалко людей». Было чувство, что мы попали в минуту директорских колебаний. Он немного помолчал... и отдал приказ открыть дверь. Счастливая толпа ворвалась в театр. Решительным тоном опытного директора Шагин крикнул: «Все на балкон, чтобы я никого не видел в зале!». Наверное, люди эти запомнили концерт на всю жизнь. Нам посчастливилось услышать, как Спиваков с «Виртуозами» играли Баха, Моцарта, Шостаковича. За фортепиано — Денис Мацуев.

А вот еще о любви и уважении моих друзей к чужому таланту. Если иркутский поэт Ростислав Филиппов редко читал свои стихи на публике, впрочем, не любил читать их и в тесной дружеской компании, то Валерианович при каждом удобном случае декламировал при народе стихи товарища на память:

*И эта строгая графичность
Мне позволяет различать:
Вот дом. Вот дерево. Вот личность...*

Не забыть, как Ищенко, будто от имени всего поколения, своего и филипповского, бросал в нас последние бескомпромиссные строки стиха, «припечатывал»: «Вот Каин, вот на нем печать».

Трогательными были отношения Ищенко и Стрижовой с художником Владимиром Тетенькиным. Саше посчастливилось с Тетенькиным писать пейзажи на Байкале. Рассказывал: «Тетенькин ходит-ходит, смотрит-смотрит на Байкал, долго смотрит, не пишет. Я уж удивляюсь — почему не пишет? А он все ходит, все смотрит. Потом берет кисть — и пишет быстро, почти в окончательном варианте». Саша учился у него, как надо живописать. В 2003 году пошли в музей на персональную выставку Тетенькина, а потом и в его мастерскую. Работы тянули к себе. Мы жадно переходили от одной картины к другой. После его выставки в Художественном музее спустились вниз, на первый этаж, к работам молодых художников. Контраст удручающий. Бесчувствие к свету, к цвету, форме. «Тяжелый рок», — сразу сказал Ищенко. В ту пору многие работы молодых, как дурно нагримированные проститутки, словно бы вопили: «Купите меня!»

И вот мы у Тетенькина в гостях, в мастерской. Тетенькин рад нашему приходу. Ноги у него уже совсем плохие, но он поднимается с кресла и изящно обласкивает моих друзей: «Как я рад, дорогой друг, что ты пришел», — говорит Саше. Потом усаживается и произносит примерно такой монолог: «Жду, когда кондрат хватит. Не люблю долгожителей. Занудные люди, морализируют. Все должны вокруг них крутиться. Учат. Надо сверкнуть — и уйти».

Люда в гостях у Тетенькина говорит немного, но жадно смотрит, от души сме-

ется застольным тетенькинским афоризмам и прибауткам. При артистизме Тетенькина даже артисту лучше помолчать. Он и больной при полном параде: серый пиджачок с крапом, черная рубашка, густо-пунцовый галстук с кругляшами в цвет пиджака. Руки небольшие, изящные, на левой — перстень с большим выпуклым прозрачным камнем, говорит, с цирконием. Руку с сигаретой держит на отлете, богемно... И, конечно же, сыплются знаменитые тетенькинские поговорки, над которыми смеемся от души: «Ну что? Будем пить или глазки строить?» «Была бы эта бутылка озером, мимо которого я иду на работу». Анекдот Тетенькина из той же оперы: «Муж спрашивает жену: «Ты пиджак почистила?» — «Да» — «И брюки почистила?» — «Да» — «И ботинки почистила?» — «У тебя что — и в ботинках карманы?»» Люда на все эти присказки отзывается тут же повтором, старается произнести анекдоты в той же, тетенькинской интонации, копирует какой-то выразительный жест. Ну, что тут скажешь: «обезьянничанье» природное. Тетенькин рассказывает, как привез в Китай сложную, по его выражению, работу: белая роза на белом фоне. «Это непросто сделать. Иногда фон труднее написать, чем сам предмет», — просвещает художник нас... Трубка у Тетенькина потухает, он переходит на сигареты. Полная сковородка окурков. Прощаемся. Уходим. Говорим о Тетенькине: какой светоносный человек...

Памятна и еще одна теплая дружеская встреча. Мои друзья отправились в Черемховский театр драмы: Володя Гуркин сдавал на родине спектакль по своей пьесе «Байкальская кадриль». Завлит сообщила Гуркину: «Владимир Павлович, вас ждет сюрприз». Слышу радостный вскрик: «Стрижова!» Как он обрадовался Саше с Людой... До чего хорошо играли черемховцы! В эту пору «душа» со сцены уходила, в цене были формальные, так сказать, находки и решения. А тут — хоть и простенький сатиновый красный занавес на сцене, и кресла в зале, как в старых кинотеатрах, а вот душу артисты не потеряли. Проживали комедию правдиво, без раздражающего столичного нажима «на простонародность». Мошкина — теплая женщина: сморщит нос, глянет озоровато, одно удовольствие смотреть. После первого действия мои товарищи просто «обрушились» на Володю с похвалами. Он, кажется, и не ожидал такого. Ищенко сказал, что именно через эту, черемховскую постановку, открыл для себя, что в пьесе есть любовь. Прежде не разглядел... Замечательная была поездка. Как друзья радовались встрече друг с другом.

Конечно же, и Саша и Люда не оставались в стороне от иркутских театральных фестивалей. Вот в 2009 году я для радиопередачи спрашиваю у Стрижовой о впечатлениях от Фестиваля современной драматургии имени Александра Вампилова.

Стрижова: «Фестиваль мне понравился очень. Мне понравилось очень много спектаклей. Это и спектакль Додина, Петербург, это и «Вдовый пароход» — Камчатка. Что смогла, я посмотрела. Наиболее сильное впечатление произвел спектакль «Бабилей» по прозе Абрамова. Это Москва, Театральное объединение «Провинция». На меня не то что «произвел впечатление», меня просто потряс этот спектакль. Сейчас вообще эта тема модная... нет, не то что модная, неправильно сказала, «народная тема» — всегда к ней пытаются обращаться в театре. И здесь люди рассказывают о себе, о своих бедах. Но рассказывают настолько достойно, настолько не истерично, настолько они убедительны. Меня просто поразило, насколько артисты правдивы, насколько точны. Ни тени фальши. Все

бабки разные. Характеры настолько сочные, настолько яркие. Причем они яркие в своей простоте. Смотришь и думаешь: «Господи, так вот это и есть наш народ». Это так же, как поражают шукшинские образы. Меня это потрясло. Я наревелась, наплакалась. Причем это не нытье, когда: «Ну да, плохо живем, плохо жили». Это не нытье, а, я бы сказала, великая деликатность народная, великая деликатность не обидеть человека, вытерпеть страдания, даже слово «деликатность» не совсем тут подходит, способность достойно перенести страдания. Там идет сцена с писателем, они говорят: «Вот пенсия маленькая». А писатель: «Так что же вы? Давайте я напишу письмо». И написал, как выйти из этого положения: давайте, мол, с богатых заберем деньги и отдадим вам. А она сидит, бабушка, и говорит: «Свое. Свое, а не чужое дайте». Они не хотят получить деньги, которые им положены, за счет тех, богатых. Они думают: должно воздаться народу за их труды, за их работу. Это должны думать наверху, их руководители, правители. Они даже правителям подсказывают, что это нехорошо, что это стыдно — у кого-то брать и отдавать. Вы дайте нам свое... Для меня это просто было потрясение. Я давно такого не испытывала в театре. Для меня это была высота. Это та высота, к которой нужно стремиться».

Спектакль этот, кстати, переживший долгую сценическую жизнь, стал в тот год Лауреатом вампиловского фестиваля в Иркутске.

«Поднимается на сцену мальчик из зрительного зала...»

Многое можно вспомнить о Стрижовой. Многое растрожено в сердце и в памяти... Для меня и теперь Стрижова «не ушла». Вон смотрит с фотоснимка из 80-го года. Ей едва перевалило за тридцать. Кучка приятелей. Уселись пирамидкой с детьми. Люда — вершина этой пирамидки. Мы все, конечно же, под влиянием Стрижовой, по-театральному слегка подмалеваны. Сама она и вовсе будто только из гримерки: черная мушка на кончике носа, мушки на щеках, маленький бантик на макушке — кикимора и только. Глядит в объектив и, кажется, сдерживает молодые хлещущие эмоции лишь на короткий момент фотовспышки. Чуть пониже — другой снимок со Стрижовой: ей уже за пятьдесят, она, конечно, рядом с Александром Валериановичем Ищенко, он опустил руку с сигаретой, смотрит весело, молодо и насмешливо, а в Стрижовой, вижу, появляется тишина. К этому времени она уже сыграла «последний срок» старухи Анны. Но... но надолго ли эта тишина? Въявь слышу, как Стрижова в лицах рассказывает об одном из «смешных» спектаклей «Зайки-Зазнайки»: «Зашли Волк и Лиса в дом, и вот пока мы, зайцы, совещаемся, что делать, поднимается на сцену маленький мальчик из зрительного зала и кричит: «Стойте! Послушайте меня, меня послушайте! Я должен сказать, что делать!» Мы ошарашены. Нам-то что делать?» Рассказывает как анекдот — и заразительно смеется... И снова всплывает в памяти, как Стрижова надрывно говорит: «Ежели мы кинули, и нас с тобой кинуть не задумаются. Нелюди мы, ух, нелюди». Знаю: Валентин Распутин, «Прощание с Матёрой», Стрижова в роли старухи Дарьи. Конечно, знаю, но все кажется мне, что это Стрижова однажды кому-то с болью бросила эти слова... А то вдруг вспомнится, как педагог Стрижова на Конкурсе

чтецов «Русское слово» переживает за своих маленьких подопечных. Школьник ничтоже сумняшеся читает уморительную небылицу Писахова «Перепилиха», а педагог Стрижова переступает с ноги на ногу, теребит в руках носовой платочек от переживаний, от волнения же не совсем естественно смеется, где смешно, чтобы поддержать ребенка зрительской реакцией. Не знаю, почему, но за ребят из Дома творчества Люда всегда больше, чем за себя, переживала... А еще — все не оставляет память тот живописный рассказ, где темпераментная цыганка с широкими сибирскими ладошками и новоленинской решимостью покоряет жюри при четвертом поступлении в Театральное училище. Как в детских играх «в войнушку»: надо «высотку взять» — и с песней бросает взвод на неприятеля. «Самый финал... последнее па... она падает на колени и подъезжает к столу жюри. Жюри падает и от смеха и от великолепия исполнения». Сколько в жизни Стрижовой потом было «высоток». Не страшилась, брала...